

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК: 93/94

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-122-149](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-122-149)

Русский проект глобализации в XX веке. Анатомия военно- политической стратегии

Петр Петрович Скороспелов

Российский государственный архив социально-политической
истории, Москва, Россия,
Pps67@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2921-7516>.

Аннотация. В статье рассматриваются основные слагаемые военно-политической стратегии России в «коротком» XX веке (1900 по 1991 гг.). Особое внимание уделяется вопросам внешнеполитического планирования, планированию применения Вооружённых сил. Реконструируя интеллектуальную архитектуру, которая создавала каркас внешней и военной политики Российского государства в тот период, автор делает упор на элементы преемственности, которые объединяют лидеров России XX века от Николая Романова до Михаила Горбачева. Рассматриваются такие вопросы как «глобализация» СССР в мировых делах, взаимоотношения с соседними азиатскими центрами силы, такими как Китай и Иран, судьба сферы «особых государственных интересов» СССР в Восточной Европе. Исследуется эволюция русской военной стратегии в XX веке: от ставки на победу в мировой войне в первой половине века к упору на действия экспедиционных группировок в период холодной войны. Подробно анализируются мероприятия стратегического сдерживания, проводившиеся Вооружёнными силами СССР в 50-70 гг. XX в. Отдельно рассматривается вопрос ресурсного обеспечения военно-политической стратегии.

Ключевые слова: Российская империя, СССР, глобализация, Азия, внешнеполитическое планирование, планирование применения вооружённых сил.

Для цитирования: Скороспелов П.П. Русский проект глобализации в XX веке. Анатомия военно-политической стратегии // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3(5). С. 122-149. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-122-149](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-122-149)

The Russian Globalization Project in the XX Century. Anatomy of a Military-Political Strategy

Skorospelov P.P. ✉

Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia,
Pps67@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2921-7516>.

Abstract. The article discusses the main components of the military-political strategy of Russia in the «short» 20th century – from 1900 to 1991. Special attention is paid to how the foreign policy and the use of Armed Forces were planned. Reconstructing the intellectual ideas that created the framework of the foreign and military policy of the Russian state at that time, the author focuses on the elements that unite the leaders of Russia of the 20th century from Nikolai Romanov to Mikhail Gorbachev. Such issues as the «globalization» of the USSR in world affairs, relations with neighboring Asian centers of power, such as China and Iran, the sphere of «special state interests» of the USSR in Eastern Europe are discussed in the work. The evolution of Russian military strategy in the 20th century is studied: from betting on victory in the World War in the first half of the century to focusing on the actions of expeditionary groups during the Cold War. The article analyzes in detail the strategic deterrence measures carried out by the Armed Forces of the USSR in the 1950-1970. The issue of the resources of military-political strategy is considered separately.

Keywords: Russian Empire, USSR, globalization, Asia, foreign policy planning, the use of armed forces.

For citation. Skorospelov P.P. The Russian Globalization Project in the XX Century. Anatomy of a Military-Political Strategy. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022. No. 3(5). pp. 122-149. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-122-149](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-122-149)

Введение

Поиски «образа будущего» часто ведутся в прошлом. Так, «путинский консенсус» формировался в начале XXI века как возвращение к прерванной в 1991 году советской традиции. В начале века пытались достроить то, что не удалось Политбюро во главе с Горбачевым во второй половине 80-х. В наши дни концепция «Исторической России», расширяя фундамент современной российской государственности, предполагает во многом переосмысление наследства, которое нам оставили Российская империя и Советский Союз, в том числе в военно-политической сфере, в пределах хотя бы «короткого» XX века (1900-1991 годов). Это, как свидетельствуют документы стра-

тегического планирования этого периода, примерно соответствует минимуму «оперативной памяти» государственного управления.

Попробуем разобраться, чего стремились добиться в мировых делах последний русский царь и советское Политбюро? Как определялись цели внешней и военной политики, какими виделись «желательные основы будущего мира»? И, конечно, насколько велика была преемственность в военно-политической сфере в течение «короткого XX века».

Материалы и методы

Методологически статья продолжает традицию исследований «большой стратегии», заложенную в работах Э. Лютвака и его современных продолжателей, таких как А. Весс Митчелл, а так же видных представителей отечественной школы стратегии, таких как А.А. Свечин (23) и А.А. Кокошин (7).

Источниковую базу исследования составили, прежде всего, архивные фонды РГАСПИ, РГАНИ, АВП МИД, связанные с деятельностью высших органов власти в России в XX веке.

Результаты исследования

Мираж «Царьграда». Преемственность целей внешней политики Российской империи и СССР

Продолжая традицию, заложенную при Александре III, руководство Российской империи на рубеже XIX–XX веков при определении целей внешней и военной политики исходило из того, что Россия обрела границы в XVIII в. и дальнейшее их расширение нецелесообразно. Считалось, что текущие военно-политические задачи связаны с борьбой за преобладание в Азии – в Персии, Манчжурии и Корее. В отношении Европы цель – поддержание статус-кво.

Наиболее полно взгляды руководящих кругов в Петербурге на долгосрочные цели внешней и военной политики Российской империи были изложены в докладе военного министра А.Н. Куропаткина за 1900 год. На перспективу «исторические задачи» России в XX столетии виделись, как необходимость овладеть Босфором и обеспечить свободный выход в Средиземное море через Дарданеллы, твердо закрепить положение на Великом океане (кроме Порт-Артура получить военно-морскую базу на юге Кореи) и получить выход через Персию к Индийскому океану (создать в Чахбаре военно-морскую базу по типу Порт-Артура). Как отмечалось в докладе военного министра, держа в своих руках железнодорожные линии между Тихим океаном и Балтийским морем, и, имея «щупальца» в Проливах, Индийском и Тихом океанах, – Россия создаст «грозную промышленную конкуренцию державам всего

мира»(8)¹. Эти задачи планировались Куропаткиным на перспективу – для поколений детей и внуков, для державы, население которой должно было достигнуто в XX столетии 400 млн («Дай Бог», – откомментировал изложенную Куропаткиным программу министр финансов С.Ю. Витте) (8, с. 250-284)². Здесь надо заметить, что военный министр хорошо понимал, что эти «весьма скромные» задачи (в сравнении с тем, что было достигнуто русской армией в XVIII–XX веков) «глубоко затрагивают интересы всего мира» в связи с чем надо готовиться к «дружному противодействию в овладении Босфором, выходом к Индийскому океану и к возможному затруднению нашей деятельности на Великом океане». Собственно, так и произошло (8, с. 250-284)³.

По мнению Д. Ливена, эти российские амбиции «следует рассматривать в контексте эпохи империализма, когда Британия захватывает Египет, чтобы получить Суэцкий канал, а США оккупируют Панамский перешеек для контроля над ключевым военным и торговым маршрутом из Атлантического океана в Тихий»(11, с. 22). Можно сказать, что царское правительство хотело создать «инфраструктурную империю», наподобие Британской, только не морскую, а континентальную. На практике решение «исторических задач» царским правительством изначально рассматривалось как долгосрочный проект, не предполагающий значительных военно-политических усилий. Как считал Николай II, «пока только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах и захват Дарданелов, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть этой цели – этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств»⁴.

Ставка делалась на двухсторонние договоренности со слабыми соседями и многостороннюю дипломатию в концерте великих держав. К операциям с решительной целью на случай локального конфликта на Востоке Россия не готовилась. Готовилась Япония, что и предопределило неудачный для России исход русско-японской войны 1904-1905 годов. Как писал А.А. Свечин: «трагедия царской армии в 1904 году заключалась в том, что она готовилась воевать на Западе, а действовать пришлось на Востоке» (22, с. 105). Поражение в этой войне и достигнутое с Англией разграничение сфер интересов в Азии (1907) оставили только один регион, где казалось возможным изменить статус-кво – зону черноморских проливов. К активизации действий на этом традиционном направлении царское правительство толкали опасения перед возможными последствиями прогрессирующего ослабления Турции, которое могло привести к ее распаду, либо превращению в германский протекторат, наподобие британского Египта (33, р. 154). А «проливы в руках сильного

1 А.Н. Куропаткин. Всеподданнейший доклад Военного министра в 1900 г. 14 (26) марта 1900 года // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 66-67.

2 Там же.

3 Доклад Куропаткина фактически подводил итог развернувшейся в начале 1900 г. дискуссии между МИДом, военным и морским ведомствами и Минфином об ограждении первостепенных интересов «России в связи с англо-бурской войной».

4 Резолюция Николая II на записке Ф.Ф. Мартенса о проливах Босфорском и Дарданельском... // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 668. Л. 70. Подробнее см.: Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. М., 2004. С. 250-284.

государства – это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству», – писал министр иностранных дел С.Д. Сазонов Николаю II 23 ноября 1913 года.⁵ Попытки решить вопрос режима функционирования черноморских проливов дипломатическим путем не увенчались успехом (26)⁶. К 1914 году царское правительство было убеждено, что решить вопрос о проливах можно будет только в случае общеевропейской войны⁷.

Многие современники понимали всю опасность такого варианта развития событий. Как писал царю в феврале 1914 года бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново: «главная тяжесть войны выпадет на долю России», «война, независимо от ее исхода, ослабит Россию и отвлечет ее внимание на Запад» [от решения ее исторических задач], «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть»⁸. Для России участие в первой мировой войне закончилось примерно так, как предсказывал Дурново в своей знаменитой записке (11, с. 7). Однако, несмотря на крушение Российской империи в феврале 1917 года, система координат, заложенная царским правительством на рубеже XIX-XX веков. оказалась на удивление живучей. Идея мировой революции была похоронена под Варшавой в августе 1920 года, а уже ход инициированной И.В. Сталиным в феврале 1924 года дискуссии по вопросам внешней политики свидетельствует о постепенном возвращении к традиционным подходам во внешней политике⁹. Накануне вступления СССР во вторую мировую войну можно говорить о почти полном совпадении военно-политических целей СССР и «исторических задач» России в начале века.

Об этом свидетельствуют как найденные в фонде Сталина в РГАСПИ карты со сделанными его рукой в августе 1939 года наметками советской зоны безопасности от Баренцева моря до Персидского залива, так и хорошо известные исследователям директивы к поездке В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 года.¹⁰ Геополитические проектировки Сталина получили развитие в документах НКВД, связанных с планированием послевоенного устройства мира. Задача гарантировать безопасность СССР в течение длительного времени связывалась советскими дипломатами наряду с не-

5 Доклад Сазонова Николаю II, 23 ноября 1913 г. // МОЭИ. Т. I. М. 1931. С. 397.

6 Речь идет, прежде всего, о переговорах А.П. Извольского с А. Эрэнгелем (1908 г.) и т.н. «демарше» Н.В. Чарыкова (1911 г.). Предложенная Извольским формула предполагала право свободного прохода через Проливы для военных судов России и других прибрежных государств при сохранении принципа их закрытия для военных судов других наций. (См.: Россия и черноморские проливы. М. 1999. С. 264). В этом же ключе предлагалось вести переговоры с турками и Чарыкову: оттоманское правительство «обязуется ...не препятствовать проходу русских военных судов через проливы», – говорилось в проекте русско-турецкого соглашения, направленного МИД Чарыкову. (Нейратов – Чарыкову 2 октября (19 сентября) 1911 г. // МОЭИ. Серия II. Т. 18(2). С. 61). Здесь надо отметить, что идея прочного союза с Турцией, как вариант решения вопроса о режиме функционирования черноморских проливов рассматривалась в МИДе и Николаем II как предпочтительная, о чем свидетельствуют в т. ч. опубликованные документы, связанные с демаршем Чарыкова (МОЭИ. Серия II. Т. XVIII и XIX).

7 Журнал особого совещания, 21(8) февраля 1914 г. // МОЭИ. Серия II. Т. I. М. 1931. С. 376.

8 Записка П.Н. Дурново [февраль 1914 г.] // Красная Новь. Ноябрь-декабрь 1922. С. 187, 197.

9 Материалы дискуссии хранятся в РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1139.

10 Политические карты Европы с пометками И.В. Сталина [август 1939 г.] // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 511. Некоторые директивы к Берлинской поездке, 9 ноября 1940 г. // Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Л. 149.

обходимостью выйти из войны с выгодными стратегическими границами (в основу которых должны были лечь границы 1941 года), с ослаблением роли Турции в качестве «часового на проливах», а также с гарантией свободного использования транзитных путей через Иран к Персидскому заливу. При этом предлагалось сохранить существовавшее англо-советское соглашение в отношении Ирана (фактически о его разделе на сферы влияния). Основные задачи политики СССР на Дальнем Востоке преследовали целью возвращение Южного Сахалина, Порт-Артура, КВЖД, уступленных Россией Японии. Можно сказать, что основные документы НКВД, связанные с планированием послевоенного устройства мира, продолжали линию «исторических задач России», сформулированных в докладе Куропаткина (19)¹¹.

Стремясь расширить советское влияние в зоне черноморских проливов и в Средиземноморье, Москва с весны 1945 года наращивает кампанию давления на Турцию. 19 марта 1945 года СССР денонсировал советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 года как не соответствующий новой обстановке. Во время переговоров в Москве в июне 1945 года советская сторона потребовала изменить режим функционирования черноморских проливов. СССР добивался признания Черного моря закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с предоставлением черноморским странам полной свободы прохода их военных кораблей из Черного моря в Средиземное и права участвовать вместе с Турцией в контроле над соблюдением режима функционирования проливов путем предоставления ему военно-морской базы в зоне проливов¹². Этот вопрос Сталин активно ставил перед союзниками и в Потсдаме (21, с. 335-336). Параллельно СССР добивался баз и плацдармов в Средиземноморье, требуя на переговорах с союзниками предоставления опеки над Триполитанией (часть современной Ливии) и базы на одном из Додеканезских островов. Осенью 1945 года советское руководство усилило нажим на Иран. Оно добивалось предоставления нефтяных концессий на севере Ирана, (по образцу англо-иранского соглашения 1933 года), поддерживало автономистское движение в Иранском Азербайджане и отказывалось подтвердить сроки вывода советских войск из северной части страны (21, с. 335-336).

Сталин, таким образом, вплотную подошел к реализации проекта инфраструктурной империи. Однако сопротивление со стороны США и Великобритании не позволило осуществить эти намерения. «Если ты приходишь к цели истощенным и уже почти не стоишь на ногах, то и отношение получаешь соответствующее» – так описывал сложившееся для ослабленного войной СССР положение Хрущев в одном из вариантов магнитофонных записей своих воспоминаний¹³. Не способствовали настойчивости Сталина на этих направлениях и его надежды на возможность продолжения

11 Исчерпывающим образом эволюция военных целей СССР во второй мировой войне показана в работах М. Наринского. См. напр.: Наринский М. Европа: проблема границ и сфер влияния (1939-1947 гг.). // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 82-93.

12 Кавтарадзе, Виноградов – Молотову, 6 февраля 1945 г. // АВП. Ф. 06. Оп. 7. П. 711. Д. 47. Л. 1.

13 Хрущев Н.С. Воспоминания. М. 1999. Т. II. С. 604.

конструктивного сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции¹⁴. Граница сферы безопасности СССР была определена линией продвижения Красной Армии.

Глобализация СССР во второй половине XX века

После Второй мировой войны геополитические устремления Сталина приводят лишь к образованию в начале 50-х годов нового санитарного кордона в форме системы военно-политических блоков по периметру границ социалистического лагеря, созданных при ведущей роли США. «Мы находились в осаде, если говорить грубо», – вспоминал об этом периоде Хрущев¹⁵. Начиная с 1957 г. Хрущев и Мао Цзэдун обдумывают переход к наступательной стратегии: «как превратить холодную войну в фактор, неблагоприятный для американцев»¹⁶. Задача «разложить» враждебные пакты (НАТО, СЕАТО, Багдадский договор), лежала в основе советско-китайской коалиционной стратегии. Решить эту задачу Хрущев планировал за счет «особого способа осуществления внешней политики путем угрозы войны империалистам»¹⁷. Речь шла о серии последовательных взаимоувязанных региональных военно-политических кризисов, которые с 1958 года приобрели характер скоординированного геополитического наступления: летом 1958 года СССР проводит военные маневры на юге с целью удержать Турцию и Иран от выступления против Ирака; в сентябре 1958 года в ходе II Тайваньского кризиса и «артиллерийской блокады» островов Мацзу и Цзиньнин СССР был готов направить бомбардировщики Ту-16 для действий против кораблей Чан Кайши и представить ядерные гарантии безопасности КНР; в ноябре 1958 года начинается II Берлинский кризис, наиболее масштабный и продолжительный (затянулся до 1962 года). По мере эскалации Берлинского кризиса рос масштаб проводимых политико-военных мероприятий. Развертывание группы советских войск на Кубе (операция «Анадырь») может рассматриваться в контексте мероприятий по сковыванию США в преддверии ожидаемой развязки берлинского вопроса.

Стратегическая цель Хрущева – образовать по периметру границ СССР буфер из нейтральных и неприсоединившихся государств – начала воплощаться именно

14 Переписка Сталина и Молотова в 1945-1946 гг., хранящаяся в РГАСПИ, свидетельствует о том, что идущие в тот период переговоры с союзниками по антигитлеровской коалиции по вопросам послевоенного устройства мира служили для советского руководства важным фактором, удерживающим его от того, чтобы пойти «напролом» в турецком или иранском вопросах. Так, в момент кульминации иранского кризиса в ноябре-декабре 1946 г. (когда иранское правительство ввело войска в иранский Азербайджан), Сталин телеграфирует Молотову в Нью-Йорк требуя «пойти на все возможные уступки Бирнсу для того, чтобы кончить наконец с [мирными] договорами» и завершить т. о. территориально-политическое переустройство послевоенной Европы. В жертву этой цели были принесены и попытки закрепиться в Средиземноморье. Дружков – Молотову, 27 ноября 1946 г.; Молотов – Дружкову, 14 декабря 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 103. Л. 26; Д. 104. Л. 74.

15 Хрущев Н.С. Ук. соч. Т. III. С. 451.

16 Из дневника Антонова. Запись беседы с Мао Цзэдуном, 14 октября 1959 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 52. П. 443. Д. 11. Л. 228.

17 Формулировка т.н. доклада «Полянского» – см. Доклад Президиума ЦК на октябрьском Пленуме ЦК КПСС [Не позднее 13 октября 1964 г.] // Никита Хрущев. 1964. М. 2007. С. 197.

в этот период. Хрущев при этом с удовольствием размахивал «ядерной» дубинкой, используя ее как инструмент давления в последующих дипломатических переговорах с руководством Ирана и Турции. Так, в период ближневосточного кризиса летом 1958 года в ходе учений «Горный орел» Вооруженными силами СССР отрабатывались задачи по нанесению атомных ударов на всю глубину территории Турции и Ирана с целью вывода их из войны и установления там дружественных режимов. КГБ и ГРУ планировали специальные мероприятия, направленные на дестабилизацию союзников США с использованием «курдского фактора», крайне болезненного для Ирана и Турции. Силовое давление сочеталось с активным переговорным процессом (24).

Первым из американских союзников дрогнул шах Ирана, дав в 1962 году заверения о неразмещении американских ракетных баз на своей территории (28, с. 423-444). После начала кипрского кризиса в 1964 году была достигнута аналогичная договоренность с Анкарой¹⁸. Баланс сил по периметру советских рубежей начал меняться в пользу СССР, что развязало руки Москве для прорыва в мировой океан. Почин этому был дан еще Хрущевым, который приступил к превращению ВМФ СССР в океанский флот. С 1959 года реализуется программа военного судостроения, намечавшая до 1965 г. постройку 700 крупных надводных и подводных кораблей. В 1958-62 годах были предприняты попытки организации постоянного базирования советского ВМФ в портах Албании, Индонезии, Кубы и на тихоокеанском побережье Китая. Особое внимание Хрущев уделял в этой связи Египту и Индонезии, куда шел основной объем советской экономической и военной помощи странам третьего мира. Там в начале 1960-х годов действовали экспедиционные группировки советских войск. Понимая невозможность реализовать мечту о проливах, Хрущев решает их «перепрыгнуть», постаравшись закрепить в ключевых пунктах вдоль морского пути из Европы на Дальний Восток, прежде всего, в районе Суэцкого канала и Малаккского пролива (24).

Во второй половине 1960-х годов Политбюро уже уверенно формулирует задачи по «разрыхлению» северных и южных флангов НАТО и выдвигает стратегию улучшения отношений с Турцией, Ираном и Пакистаном, привязывая их экономически с целью их перевода «на позиции неприсоединения», создавая, таким образом, буферную зону безопасности по периметру южных границ СССР¹⁹. Со второй половины 1960-х годов МИД предлагает относить к «сфере жизненной заинтересованности СССР» Египет, Сирию и Алжир, подобно тому, «как США это пытаются делать в отношении стран Латинской Америки»²⁰. Однако, процесс создания «сферы жизненной заинтересованности СССР» шел тяжело. В результате двукратного военного разгрома арабских союзников СССР (в 1967 и 1973 годах) и переориентации А. Садата на сепаратную

18 Громыко – Подгорному с приложением проекта указание делегации Верховного Совета СССР, направляемой в Турцию, 28 декабря 1964 г. // АВП. Ф. Реф. по Турции. Оп. 76. П. 354. Д. 12. Л. 46.

19 Доклад Л.И. Брежнева «О международной политике СССР» на Декабрьском 1966 г. Пленуме ЦК КПСС, 12 декабря 1966 г. // РГАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 45. Л. 30-34.

20 Громыко А. ЦК КПСС «О состоянии и перспективах отношений между СССР и США», 13 января 1967 г. // АВП. Ф. Отдел США. Оп. 51. П. 11. Д. 388. Л. 1-60.

сделку с Израилем, поставленная еще Сталиным цель «вклиниться в Средиземноморье, добившись там баз и плацдармов», достигнута не была. В качестве опорного пункта на Ближнем Востоке у СССР осталась только Сирия.

К цели создания «инфраструктурной империи» СССР приблизился лишь во второй половине 1970-х. Первым шагом стал неожиданный успех кубинского проекта в Африке (Ангола, 1975 год, Эфиопия, 1978 год) (36). Настоящий прорыв произошел в 1979 году после заключения военно-политического союза с Вьетнамом. СССР получил военно-морскую базу Камрань, позволявшую контролировать Малаккский и Сингапурский проливы. Камрань, где базировалась 17-я оперативная эскадра ВМФ, стала крупнейшей военно-морской базой СССР за рубежом (16). Затем последовало подписание соглашений о создании аналогичных баз в Тартусе (1981 год) и Адене (1983 год). Так складывалась мировая цепь советских военно-морских баз рядом с основными источниками нефти и других ресурсов для экономик западных стран, стратегическими проливами и морскими коммуникациями от Средиземного моря через Индийский океан на Дальний Восток (4, с.292-293).

Как писал в личном письме Л.И. Брежневу А.И. Солженицын: «кто бы мог подумывать, что вечная греза о проливах, не осуществляясь, станет, однако и не нужна – так далеко шагнет Россия в Средиземное море и в океаны»²¹. К середине 1970-х в военно-политических кругах СССР сложилась система взглядов, известная как «доктрина Андропова». В ее основе лежал тезис о том, что ядерный паритет сделал прямое столкновение СССР и США безумным. Считалось, что в условиях, когда границы противостояния в Европе и на Дальнем Востоке строго очерчены, – борьба теперь ведется там, где можно избежать прямого столкновения – в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Поэтому СССР нужны базы и флот в Мировом океане как опорные пункты для оказания помощи народам, борющимся против империализма (4, с.32). Эта система взглядов опиралась на выкладки ПГУ КГБ, которое предлагало сосредоточить внимание на ограниченном числе стратегически расположенных государств, которые были бы экономически «малоемки». При этом делалась ссылка на опыт Великобритании, которая, контролируя лишь несколько точек на карте – Гибралтар, Мальту, Суэц, Аден, Сингапур – обеспечивала себе господство на морском пути из Европы в Индию (9, с. 112).

Мировое коммунистическое движение при этом служило внешней оболочкой, внутри которой помещался советский проект глобализации, а ядро «мировой системы социализма» очерчивалось контурами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Внутри «мировая система социализма» разделялась на СССР и сферу его «особых интересов» в Восточной Европе, объединенную членством в Варшавском договоре, и союзные Москве самостоятельные центры силы – Кубу и Вьетнам, каждый из которых имел свою сферу интересов – соответственно в Африке и Индокитае.

«Глобализация» сделала СССР уязвимым для военно-политического давления

21 Солженицын А.И. Брежневу, 5 сентября 1973 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 245. Л. 3 (Потом оно было напечатано на Западе и стало известно как «Письмо вождям Советского Союза»).

США в Карибском бассейне (Куба, Никарагуа), Африке (Ангола) и на Ближнем Востоке (Сирия). Главным фронтом противостояния в начале 1980-х стала Сирия. После начала агрессии Израиля в Ливане летом 1982 года Асад обратился за военной поддержкой к СССР. Политбюро принимает решение направить в САР экспедиционную группировку ПВО и ВВС. Но уже через год, при новом Генсеке – Андропове, Политбюро, опасаясь повторения Карибского кризиса, отказывается от активного применения военной силы для расширения советской сферы интересов и переходит к геополитической обороне (4, с. 335-342).

Понимание уязвимости внешнего контура *Rex Sovietica* заставляет горбачевское Политбюро сделать центром тяжести противодействия американской политики «неоглобализма» программу урегулирования региональных конфликтов²². Соответствующие решения были приняты по Афганистану и Кампучии в 1986 году, по Анголе – в 1988 году. К концу 1989 года Москва добилась урегулирования основных региональных кризисов, сохранив при этом позиции в третьем мире. Горбачев не планировал отказываться от *Rex Sovietica*. Однако, в отличие от Брежнева и Громыко с их упором на Арабский Восток, М.С. Горбачев делал ставку на «Азию» (Индостанский регион) считая, что «цивилизация в XXI веке будет идти на Восток»²³. Элементами азиатской стратегии Горбачева были: стремление вести дело с Индией как «мировой державой», включая поддержку ее региональных устремлений и военно-морских амбиций, акцент на взаимодействие Индии и стратегического союзника СССР в АТР – Вьетнама, с возможным подтягиванием Индонезии, завершение процесса нормализации с Китаем. Разворот СССР в Азию должен был привести к формированию новой архитектуры международных отношений, которая предполагала усиление роли ООН (для сдерживания внешнеполитического маневра США) и формирование «открытых» региональных организаций, таких как треугольник СССР – Индия – Китай, с возможным подключением Бразилии (современные РИК и БРИКС). Новые «сетевые» структуры должны были стать противовесом таким военно-политическим союзам, как НАТО. А доступ к формирующимся рынкам Индо-тихоокеанского региона должен был обеспечить советской экономике лидирующие позиции в мировом хозяйстве (42, с. 310-311).

Сформулированные Куропаткиным «исторические задачи» России, были в основном решены к концу брежневского периода. Главные скрепы *Rex Sovietica* были достроены в ходе глобализации СССР во второй половине 1970-х-начале 1980-х. СССР успешно выдержал последнюю «осаду» социалистического содружества при президенте Р. Рейгане. Сформировался экономический фундамент *Rex Sovietica*. В отличие от советской торговли с западными странами, которая, в основном, представляла собой обмен советского сырья на технологии и продовольствие, торговля с развивающимися странами состояла из обмена промышленным оборудованием, производи-

22 О мерах по усилению нашего противодействия американской политике неоглобализма. Постановление ЦК КПСС, 4 сентября 1986 г. // Источник. 1995. № 2. С. 70-72.

23 Политбюро, 4 декабря 1986 г. // В Политбюро ЦК КПСС. М., 2008. С. 110.

мом в Советском Союзе, на промышленное и сельскохозяйственное сырье. Если добавить к этому торговлю оружием, то положение СССР в мировой экономике в конце 1980-х годов, и особенно его экономические позиции в третьем мире выглядели внушительно.

СССР и подъем Азии в мировых делах в XX веке

Исторически безопасность России определялась состоянием отношений с крупными соседними державами. Этот фактор приобрел решающее значение в связи с «подъемом Азии» в мировых делах в XX веке. В начале XX века соседями России в Азии были три империи, находившиеся в состоянии упадка – Турецкая, Персидская и Китайская. Когда Куропаткин формулировал исторические задачи России, экономическое и политическое проникновение в них мыслилось как обычное колониальное предприятие. За 100 лет ситуация принципиально изменилась – на Востоке и Юге Россия соседствует теперь с динамичными центрами силы: Японией, Китаем, Ираном, Турцией. Этот переход вызревал постепенно, и задача адаптироваться к меняющемуся геополитическому ландшафту встала перед военно-политическим руководством СССР в полный рост только со второй половины XX в. Тезисы Сталина о возникновении революционной ситуации в Восточной Азии после победы китайской революции и перемещении центра мирового революционного движения с Запада на Восток заложили основу советского подхода к проблеме подъема Азии²⁴.

Именно на их основе на рубеже 1940-1950-х происходит разграничение сфер интересов между Москвой и Пекином. И инерция этих договоренностей действовала на протяжении всего периода холодной войны и продолжает действовать сейчас. Китайцы называют возникшую модель отношений «спина к спине». Весьма эlegantное ее описание было дано аналитиками ПГУ КГБ в середине 70-х годов: «СССР и КНР обращены друг другу «спинами», т.е. наименее развитыми и удаленными от центра регионами. СССР повернут лицом к Европе, к Западу, Китай – к Тихому океану и к Юго-Восточной Азии. Экономики двух стран – не конкуренты друг другу, они, естественно, дополняют одна другую. ... Стратегические интересы Китая лежат в Азии» (9, с. 118–119).

Модель «спина к спине» дала СССР колоссальные геополитические преимущества в стратегическом соперничестве с США. Несмотря на эскалацию борьбы за лидерство в мировом коммунистическом движении между Москвой и Пекином, в ходе переговоров Хрущева и Мао Цзэдуна летом 1958 года и переговоров А.Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном в феврале 1965 года были подтверждены дого-

24 Эти тезисы были озвучены Сталиным 10 июля в достаточно оригинальной форме – в виде тоста в ходе приема китайской делегации во главе с Лю Шаоци. Как вспоминал представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК К.В. Ковалев, китайские руководители были окрылены заявлениями Сталина о том, что китайские коммунисты должны стать во главе народов Восточной Азии и повести их за собой (Гончаров С. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. No 1-2-3. 1992. С. 80).

воренности 1949-1950 годов, включая готовность к координации в военно-политической сфере. СССР и КНР в феврале 1965 года договорились о целях коалиционной стратегии в Азии: помочь «англо-американскому блоку» увязнуть в Юго-Восточной Азии. Стратегически сковать «англо-американский блок» предполагалось путем поддержки «особой войны» ДРВ на территории Южного Вьетнама; продолжения помощи Индонезии в ее противостоянии с Малайзией, которую, поддерживали англичане; посредством укрепления ПВО КНДР. Главным при этом было не допустить перерастания локальных конфликтов в мировую войну²⁵. Ведь не следует забывать, что в СССР рассматривали войну во Вьетнаме (а до того – в Корее) в контексте борьбы между США и Китаем за преимущественное влияние в Азии. Сковав США в Индокитае, СССР получает возможности для укрепления позиций на Среднем Востоке, в арабских странах и Индии, представлявших для него большой политический, экономический и военный интерес²⁶.

Кризис модели «спина к спине» был вызван внутренними процессами в Китае, связанными с началом культурной революции (1966 год). Страх Мао Цзэдуна под влиянием чехословацких событий перед возможным советским вмешательством в китайскую смуту, приводит Пекин к решению в 1969 года нанести упреждающий удар, спровоцировав серию крупных столкновений на границе (Даманский, Дулаты, Жаланашголь). На протяжении 10 лет после «пограничной войны» 1969 года «китайская» политика Политбюро сводилась к безуспешным попыткам вести переговоры с китайцами с позиции силы, что стало одной из причин сближения между Пекином и Вашингтоном. Итогом стал позиционный тупик и рост страха перед военной опасностью на Востоке (6, с.77–109)²⁷. Когда ожидания изменений после смерти Мао Цзэдуна не оправдываются, а Бжезинский начинает разыгрывать «китайскую карту» Политбюро летом 1978 года находит выход из позиционного тупика на путях военно-политического союза с Вьетнамом. Спланированная как скоротечная, операция вьетнамских войск в Кампучии обернулась региональной войной между Китаем и Вьетнамом, которая растянулась на десятилетие (1979–1988 годов). СССР, проводя мероприятия стратегического сдерживания на Дальнем Востоке наиболее крупное из них – оперативно-стратегические учения «Восток-79», де-факто стал участником ее активной фазы (18). Неготовность НОАК к крупномасштабному военному конфликту на два фронта одновременно – с СССР и Вьетнамом, экономические проблемы КНР, создали пред-

25 Записи переговоров Хрущева и Мао Цзэдуна 31 июля — 2 августа 1958 г. – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 498.; Китайские записи переговоров Косыгина в Пекине переведены на английский язык и доступны на сайте Cold War International History Project – см.: Record of the Fifth Contact between Premier Zhou, Chen Yi and Kosygin, 10 February 1965 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165486>; Minutes from Conversation between Kosygin and Mao Zedong, February 11, 1965 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118039>; Итоги переговоров А.Н. Косыгина в Пхеньяне см: Record of Conversation with V. D. Moskovsky, February 16, 1965 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114980>.

26 Громыко А. в ЦК КПСС «О нашей дальнейшей линии и некоторых мероприятиях в отношении США», 6 апреля 1970 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1242. Л. 59-91.

27 Капица М.С. На разных параллелях. М. 1996. С. 77-109.

посылки для нормализации советско-китайских отношений (32)²⁸.

Начавшиеся после Ташкентской речи Брежнева (март 1982 года) «негласные» контакты между СССР и КНР по вопросу улучшения межгосударственных отношений привели к оживлению экономических и культурных связей при понимании, что Китай будет готов к политической нормализации лишь в случае демонтажа СССР системы военно-политического окружения КНР (так называемые «три условия» – отвести советские войска от китайской границы и вывести их из МНР, прекратить военную помощь СРВ). С приходом к власти Горбачева Политбюро уже в 1986 году принимает решение о переходе к полноформатной нормализации отношений с КНР. В кампучийском вопросе стратегическая линия Политбюро была определена в марте 1987 года (цель – национальное примирение по афганской модели). Перелом произошел год спустя, когда вьетнамское руководство приняло решение о выводе вьетнамских войск из Кампучии, сняв главное препятствие на пути нормализации советско-китайских и китайско-вьетнамских отношений. В свою очередь, Китайское руководство принимает решение о полной нормализации отношений с СССР. Уже в январе 1989 г. Москва информирует Пекин о готовящемся сокращении группировки войск на Востоке в 1989–1990 годов и принимает решение о выводе 39-й Армии из Монголии. 15–18 мая 1989 года состоялась поездка М.С. Горбачева в Пекин. Черта под прошлым была подведена (6, с. 110–115; 42, с. 33–46, 100–102, 196).

Исламская революция 1979 года в Иране стала провозвестником появления еще одного центра силы в Азии. Столкнувшись с образованием «дуги кризиса» в Персидском заливе, Политбюро оказалось перед выбором: либо налаживать отношения с новым режимом в Тегеране, рассматривая его как одну из разновидностей национально-освободительного движения, либо, опасаясь вспышки «мусульманского фанатизма» в южном «подбрюшье» СССР, перейти к политике сдерживания. Нападение Ирака на Иран в августе 1980 года указало ложный выход из ситуации неопределенности – в иранской политике Политбюро решило балансировать, но с креном «в сторону Багдада». При этом Брежнев колебался по иранскому вопросу практически до смерти. В октябре по его настоянию Политбюро принимает решение о развертывании группировки советских ПВО в Сирии. Взаимосвязь противостояния САР и Израиля (за которым стояли США и Франция) с ситуацией в Персидском заливе, где иракские войска терпели поражения в ходе успешных наступлений иранских войск, не была секретом для Политбюро. На переговорах в Кремле 26 июня 1982 года Х. Асад объяснял, что, если Сирия устоит, при любом изменении режима в Ираке к власти после Саддама придут либо просирийские, либо проиранские силы. В любом случае, новый режим будет антиамериканским. Вот тогда свою роль может сыграть географический фактор. По мнению сирийского лидера через Иран и Ирак Сирия получит прямой выход на Советский Союз по суше. В ноябре 1982 года Брежнев умирает, не успев сформировать в Политбюро

28 О понимании главным командованием НОАК своей неготовности к крупномасштабному конфликту с участием СССР – см. Chen L. Operational Idealism: Doctrine Development of the PLA under Soviet Threat // *Journal of Strategic Studies*. 2017. № 5. P. 663–695.

консенсус относительно политики в отношении Ирана так, как это ему удалось на китайском направлении²⁹. Концепция «сухопутного моста» в Средиземноморье была отложена до второго десятилетия XXI века.

Горбачев не решился поменять парадигму иранской политики, несмотря на имевшееся в 1986–1987 годах «окно возможностей». Иранцы предлагали СССР установить отношения стратегического партнерства, направленного на противодействие американскому проникновению в регион. Дипломатические контакты проходили на фоне перехода стратегической инициативы на фронте к Тегерану. Однако, в советском руководстве победила «сбалансированная, равноудаленная линия» в ирано-иракском конфликте. В результате США, балансировавшие большую часть 1980-х на грани войны с Ираном, избежали нового Вьетнама. Урегулирование отношений с ИРИ произошло только на излете горбачевского периода – в январе-феврале 1989 г. (27, с. 103–108; 40; 34).³⁰

Подъем Азии поставил Политбюро перед дилеммой как строить политику в отношении новых центров силы по периметру СССР: путем разграничения сфер интересов или балансирования. Сталин выбрал первый вариант и провел разграничение «сфер ответственности» с руководством нового Китая в 1949–1950 годах. К балансированию пришлось прибегнуть Брежневу после «пограничной войны» 1969 года и неудачной попытки урегулирования отношений с Китаем с «позиции силы». Итогом политики балансирования стал длительный период военного противостояния. Затратность политики балансирования оказалась крайне высока, что серьезно осложнило положение СССР в его противостоянии с Западом. Ситуация начала стабилизироваться только после начала военного конфликта, а по сути – региональной войны между Китаем и Вьетнамом в 1979 году. К рубежу 1980 – 1990-х ситуация «как бы сама собой» вернулась к модели «спина к спине». Прежде всего, в связи с отсутствием противовеса КНР. Примерно также обстояло дело и на Среднем Востоке, где советское руководство так же сначала сделало выбор в пользу стратегии балансирования. Однако Ирак сначала был истощен войной с Ираном, а затем разгромлен США. Балансировать стало нечем. Советскому руководству пришлось наводить мосты с Тегераном. Практика взаимоотношений с новыми центрами силы в Азии во второй половине XX века показала, что разграничение сфер интересов или модель «стратегического партнерства», говоря языком современной дипломатии – наименее затратный способ выстраивания отношений с сильными соседями.

29 Подробный анализ «иранской политики Политбюро», роли в ней ведомств, институтов АН СССР и ключевых фигур в советском руководстве - см.: Гриневский О. Сценарий для третьей мировой войны. М., 2002. С. 65–66.

30 Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 103–108. Советско-иранские отношения в период Горбачева подробно освещены в статье: Nunan T. Doomed to Good Relations // *Journal of Cold War Studies*. 2022. N. 1. P. 39–77. «Война в сумерках» между США и Ираном в 80-е гг., балансирование на грани прямого военного столкновения во второй половине 80-х – см. основное на рассекреченных американских документах исследование D. Crist. *The Twilight War*. N.Y. 2012.

Венская система 2.0

Создание сферы «особых государственных интересов» СССР в Восточной Европе изначально не планировалось Сталиным и явилось результатом разрушительных последствий Второй мировой войны. После поражения Германии, ослабления Франции и Италии СССР оказался единственной сильной «сухопутной» державой в Европе. Аналогичная ситуация существовала на европейском континенте после наполеоновских войн. В тот период ее международно-правовым оформлением стала Венская система, в основе которой лежал «концерт» великих держав. За этим флером скрывалась биполярная система, полюсами которой были Российская и Британская империи (43).

Стремление использовать опыт XIX века при планировании послевоенного мироустройства было характерно для дипломатии стран «большой тройки». Поэтому неслучайно советская дипломатия предлагала де-факто восстановить Венскую систему в новых условиях «на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства». Интерес Англии усматривался в том, чтобы обеспечить равновесие сил в Европе и исключить «предпосылки для третьей мировой войны». СССР, в свою очередь, был заинтересован сохранить Англию как могущественную державу, «ибо такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США»³¹. Расчет оказался не верным. Уже в сентябре 1946 года советский посол в Вашингтоне Н.В. Новиков констатирует произошедшую между США и Великобританией договоренность «о частичном разделе мира на базе взаимных уступок, тесную координацию их политики на международных конференциях»³². Проект «основ будущего мира» в том виде, в котором его замыслили в НКВД в годы войны, не реализовался. Позиция СССР как сильнейшей державы в Европе была оспорена США практически сразу после окончания второй мировой войны. Поскольку, как справедливо отмечает В.О. Печатнов, Сталин не собирался делить с кем-либо роль европейского гегемона после окончания второй мировой войны, с лета 1946 года СССР переходит от ставки на сохранение антигитлеровской коалиции к политике стратегического соперничества с США³³. С этого момента ключевая цель советской политики – вытеснение США из Европы. За это боролись все советские руководители от Сталина до Горбачева.

Тем не менее, системообразующие элементы «Венской системы 2.0» – Организация Объединенных наций и ее ядро – Совет Безопасности – заложили основу устойчивого мирового устройства. При этом на протяжении 1950-1960-х чаша весов

31 Записка Литвинова М. «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества, 15 ноября 1944 г. // АВП. Ф. 06. Оп. 6. Д. 143. П. 14. Л. 37-38, 81-86.

32 Материал Новикова Н.В. «Внешняя политика США в послевоенный период», 22 сентября 1946 г. // АВП. Ф. 06. Оп. 8. Д. 45. П. 759. Л. 15.

33 Ключевым моментом здесь стало обсуждение советским руководством в мае 1946 г. американского проекта договора с Германией. Материалы дискуссии опубликованы в сборнике: СССР и германский вопрос. 1941-1949. Т. II. М. 2002; См.: Печатнов В.О. «Союзники нажимают на тебя, чтобы сломать твою волю...» // Источник. 1999. № 2.

постепенно склонялась в пользу СССР, особенно после поражения США во Вьетнаме. 1970-е – период расцвета «Венской системы 2.0». После поражения США во второй Индокитайской войне СССР очевидно доминировал в Европе в военно-стратегическом отношении (44). Чтобы закрепить новый баланс сил Политбюро предпринимает шаги, направленные на нейтрализацию фактора американского ядерного оружия в Европе. Разоруженческая тематика становится стержнем переговорного процесса с США. При этом в Политбюро делали ставку не столько на переговоры по СНВ, сколько на заключение соглашения между СССР и США о неприменении ядерного оружия друг против друга, рассчитывая, что оно подорвет влияние Америки в Европе. Заключение такого соглашения так свяжет США, – любил говорить в кругу своих сотрудников Громыко, – что будет непонятно, придут они на помощь европейцам или нет. Л.И. Брежнев вел об этом переговоры с Никсоном, Фордом и Картером. Параллельно шли попытки закрепить советскую военно-политическую гегемонию в Европе через политические действия, направленные на «разрыхление» северного и южного флангов НАТО³⁴.

СССР, однако, оказался «привязан» к своей сфере особых интересов на Востоке Европы, которая уже Хрущевым начинает восприниматься как политико-военное обременение. В отношении социалистических стран настроения «пусть делают, что хотят» были распространены на Старой площади уже к моменту смерти Брежнева³⁵. А к моменту избрания Горбачева генсеком они стали преобладать. В 1986 году Политбюро оценивает сложившиеся торгово-экономические отношения в рамках СЭВ как обузу для советской экономики³⁶. К началу 1989 г. сложилась озвученная Горбачевым формула: вести дела с Восточной Европой как с Китаем³⁷. А в военно-политической области закрепляется тезис, доставшийся Горбачеву в наследство от Хрущева, что наиболее эффективный способ вытеснения США из Европы — это взаимный, поэтапный вывод советских и американских войск, при котором американцы уходят за океан, а СССР отводит войска на несколько сот километров³⁸. В этом геополитический смысл идеи «Общеввропейского дома», который был важнее договоров РСМД и СНВ. Затяжные переговоры по разоруженческой тематике отодвинули вопросы европейской безопасности, включая вопрос о будущем Восточной Европы, в самый хвост повестки советско-американских отношений. В Политбюро не почувствовали произошедшей осенью 1987 года сдвиг в мировосприятии администрации Рейгана – готовности вести дела с Советским Союзом «как с Китаем»³⁹. Придуманная Дж. Шульцем «китайская модель» открывала дорогу к серьезным договоренностям, но в

34 О значении инициативы заключения соглашения о неприменении ядерного оружия подробно пишет в своих воспоминаниях М.М. Александров: Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М. 1994. С. 232.

35 Дневник Черняева, запись от 11 ноября 1982 г. // АГФ. Ф. 2. 1982 год. Л. 50.

36 Там же, запись от 3 июля 1986 г. 1986 год. Л. 69.

37 Заметки Черняева на заседании Политбюро 21 января 1989 г. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Masterpiece/1989-01-21.pdf

38 Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 1997. С. 607

39 Non-paper Prepare of by the Secretary of State. Nov. 18, 1987. // FRUS. 1981-1988. Vol. VI. P. 530.

Политбюро не торопились – «большая сделка» мыслилась возможной только со следующей администрацией.

Советское мирное наступление, объявленное Горбачевым в его речи в ООН в декабре 1988 года и нацеленное, прежде всего, на решение вопросов европейской безопасности, заглохло, не успев набрать обороты. Дж. Буш после своего избрания президентом США взял паузу в переговорном процессе, которая тянулась до мая 1989 г. Тем не менее, до поздней осени Политбюро было уверено, что, несмотря на брожение в Польше и Венгрии, ситуация в Восточной Европе развивается в приемлемом русле. Приоритетом для Москвы стало избежать ввязывания во внутривнутриполитический кризис в одной из восточноевропейских стран. Соответствующие решения, исключающие применение военной силы, были приняты Политбюро в марте 1989 года. Перспективы «новой Ялты» с американцами рассматривались как реальные не только на Старой площади – еще 30 марта 1989 года Скаукрофт предложил Бушу полный вывод из Центральной Европы советских и американских войск как оптимальный для США вариант европейского урегулирования. Об этом же в ходе встреч с Горбачевым намекали и ветераны американской политики – Киссинджер и Бжезинский⁴⁰.

Все поменялось после падения Берлинской стены 9 ноября 1989 года и ставки Г. Коля на дестабилизацию правительства Кренца-Модрова и форсированное объединение Германии путем «аншлюса» ГДР. Смысл происходящего был понят в Москве сразу. Отказ Коля от модели «остполитик» и возвращение к парадигме Аденауэра «изменения через силу» после недолгих колебаний были поддержаны США, что оказало решающее влияние на позиции других западных держав. Логика администрации Буша поменялась, так как американский анализ перспектив перестройки указывал на высокую вероятность ее провала и смещения Горбачева. Риск повторения в ГДР «Венгрии», как это стало понятно в ходе саммита на Мальте в декабре 1989 года, был минимален (45, с.174).

На совещании в Кремле 26 января 1990 года советское руководство, ранее отказавшееся от использования военной силы как инструмента влияния на ситуацию, решает сделать ставку на затягивание процесса германского объединения⁴¹. Решение выглядит оправданным. Если бы германский вопрос «дожил» в подвешенном состоянии до 2 августа – вторжение иракских войск в Кувейт повлияло бы и на соотношение сил в Европе, и достаточно радикально. Но у Горбачева не хватило терпения и стойкости — в первый раз он дрогнул в Вашингтоне 31 мая, принципиально согласившись на членство объединенной Германии в НАТО (к большому удивлению американцев и советской делегации), и окончательно «сдался» в июле на переговорах с Коелем в Москве и Архызе 15–16 июля. После этого с немцами об-

40 Из беседы с Г. Киссинджером, 17 января 1989 г. // Отвечая на вызов времени. М. 2010. С. 221-223; Запись беседы М.С. Горбачева с Э. Кренцем 1 ноября 1989 г. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Masterpiece/1989-11-1.pdf

41 Обсуждение германского вопроса на узком совещании, 26 января 1990 г. // М. Горбачев и германский вопрос. М., 2006. С. 307-311.

суждалась фактически только сумма компенсации за вывод ГСВГ из Германии (46, с. 118–119, 124).

Каковы были реальные последствия утраты Восточной Европы и объединения Германии для судеб СССР и проекта «русской глобализации»? Ведь Горбачев и так хотел избавиться от сферы влияния в Восточной Европе и вести дела с ней как «с Китаем». Представляется, что главные последствия были связаны с расширением НАТО на Восток, а они стали реально угрожать военной безопасности России только в связи с попытками «нахрапом» затащить в Североатлантический альянс Украину и Грузию. Не отступление из Европы, а распад «Исторической России» и политика США и НАТО, направленная на то, чтобы воспользоваться временным ослаблением российского государства в своих интересах, породили проблемы, влияющие на безопасность нашей страны столь серьезно, что «отступать дальше некуда».

Планирование применения вооруженных сил

Стратегическое планирование в области обороны в России, начиная с конца XIX века и на протяжении XX века, ориентировалось на Большую (мировую) войну. Можно выделить три группы планов, связанных с вступлением России в I и II мировые войны и планированием ее участия в мировом конфликте в период холодной войны.

Основная идея оперативного плана русского главного командования для Первой мировой войны состояла в том, чтобы переходом в наступление Северо-западного фронта в Восточной Пруссии и Юго-западного в Галиции создать исходное положение для решительного наступления в Силезию и дальше на Берлин (38). Лозунг «на Берлин», однако, шел в разрез с целями России в войне и реалиями военной стратегии того периода. Как справедливо писал А.А. Свечин, царское правительство, мечтавшее о Босфоре, едва ли стояло на политически правильном пути, полагая, что ключи от Босфора находятся в Берлине (23, с. 242).

Неудачный опыт русского участия в Первой мировой войне привел к переосмыслению целей военного планирования. Замысел стратегического развертывания Вооруженных сил СССР утвержденный 5 октября 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) излагался следующим образом – «на Западе основную группировку иметь в составе Юго-Западного фронта с тем, чтобы мощным ударом направлений Люблин и Краков, и далее на Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран»⁴². Стратегическая цель операции, планируемой на Западном театре, вытека-

42 Доклад С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова И.В. Сталину и В.М. Молотову об основных выводах по плану стратегического развертывания вооруженных сил СССР на 1941 г., 14 октября 1940 г. // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 24. Л. 85-86. В таком виде замысел стратегической операции напоминал знаменитый план Шлиффена. Первым на это обстоятельство обратил внимание С.Н. Михалев (Военная стратегия. М. 2003. С. 780). Влияние идей Шлиффена на советское оперативное планирование требует отдельного исследования, здесь же можно сказать, что идея «стратегического Лейтена» (выражение Г. Гросса) была положена В.К. Триандафиловым в основе Оперативного плана 1931 г. – первого реального плана применения Красной Армии, разработанного в межвоенный период, и отсюда позаимствована Ватутиным и Василевским при разработке сентябрьско-октябрьского варианта 1940 г. стратегического развертывания (См. Ворошилов К.

ла из политических целей войны, как они определялись советским руководством, носила ограниченный характер – в ней отсутствует задача полного овладения территорией какого-либо государства, захвата какой-либо столицы – прежде всего, Берлина (3, с.63).

Обстоятельный анализ подготовки СССР к войне, заложивший основу современных подходов, был проведен в Министерстве обороны СССР на рубеже 40-50-х годов под руководством маршала А.М. Василевского. Основным вывод проведенных исследований – планирование применения вооруженных сил советским Генеральным штабом в целом было адекватным складывающимся в политико-военной обстановке, и его опыт целесообразно использовать при разработке современных операций. Причины же июньской трагедии 1941 года, полагали в Министерстве обороны СССР, следует искать в качественном состоянии РККА, а также в конкретных обстоятельствах оперативного развертывания на Западном театре военных действий. Можно сказать, что подходы к планированию вооруженных сил СССР после войны, сформировались на основе осмысленного опыта замысла стратегической наступательной операции РККА на Западной театре в 1940–1941 годов (7, с. 207–208).

Взгляды советского Генерального штаба на возможное применение вооруженных сил в войне на Западном театре, как они сложились к концу 70-х годов заслуживают особого внимания. После рубежа 50-60-х годов XX века, когда мировая война мыслилась как обмен ракетно-ядерными ударами, сформировавшиеся в 70-80-х годов XX века, подходы к планированию применения Вооруженных сил представляют собой итог упорной работы Генерального штаба, направленной на поиск такого варианта их применения, при котором первые, а то и последующие стратегические операции удастся завершить без применения ядерного оружия.

Советский Генеральный штаб рассчитывал выиграть начальный период войны (а, значит, и войну, в целом) не дав НАТО времени на принятие решения о применении ядерного оружия. Для этого первую стратегическую операцию на Западном театре следовало провести в сжатые сроки с ювелирной точностью. Ее цель – разгром первого (и единственного) стратегического эшелона и ближайших резервов вооруженных сил НАТО. Операция планировалась на глубину 600–700 километров. Генеральный штаб считал, что разгром основных сил НАТО на территории ФРГ и занятие основных портов на Северном море и в странах Бенилюкса сделает дальнейшее продолжение войны с перспективой массового применения ядерного оружия бессмысленной для США (29, с.212-217;37;41). Концепция маршала Н.В. Огаркова носила не менее рискованный характер, чем планы Генштаба РККА 1941 года хотя бы потому, что боевые действия пришлось бы вести в условиях постоянной угрозы применения ядерного оружия со стороны противника. В случае неудачи «блицкрига» существовал и риск перехода к длительной обычной войне, в которой против СССР играло бы превосходство военно-экономического потенциала США.

Записка об оперативной части плана войны на 1931 год, [б.д.] // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 120. Л. 323.

Военная доктрина России на протяжении большей части советского периода носила достаточно радикальный (сокрушительный) характер. Лишь в самом его конце Горбачев стал нацеливаться на разрыв с этой традицией. По его мнению, задачу вытеснения США из Европы проще было решать через взаимный поэтапный вывод американских и советских войск. Это означало отказ от ярко выраженного наступательного характера советской военной стратегии. Переход к оборонительной военной доктрине выглядит оправданным в конкретных условиях второй половины 1980-х годов⁴³. Однако Горбачев пошел дальше. В условиях конфликта с военными, недовольными разоруженческими инициативами политического руководства, росли его сомнения в способности военных вообще обеспечить достижение политических целей военными средствами. В этих сомнениях Горбачева укрепил неудачный опыт в Афганистане⁴⁴. Горбачев стал бояться использования военной силы, в том числе, ее применения в рамках мероприятий стратегического сдерживания, что серьезно повлияло на ход событий в Восточной Европе в 1989 году, а затем и внутренних кризисов в СССР в 1990–1991 годов.

Корейская модель

После Второй мировой войны центральная проблема советской военно-политической стратегии определялась следующим образом: усилия СССР в «сферах его жизненной заинтересованности» не должны привести к конфликту с «атомными державами» и, тем более, к мировой войне. Хотя советское военное планирование и продолжало быть ориентировано на «большую войну», уже Хрущев понимал ее пагубность в современных условиях. Отсюда ставка на модель Корейской войны, предполагавшей участие СССР в региональных войнах и локальных конфликтах силами экспедиционных группировок⁴⁵. Этот подход был полностью воспринят Брежневым. Начиная со второй половины 1960-х годов, создание экспедиционных группировок, основу которых составили ВВС и ПВО, шло, как правило, в увязке с развертыванием на главных морских коммуникациях оперативных эскадр ВМФ, создавая, таким образом, каркас опорных пунктов советской инфраструктурной империи в Средиземноморье, Атлантике и на Тихом океане.

Участие советских экспедиционных группировок в локальных конфликтах второй половины XX в. на удаленных театрах военных действий преследовало ясные военно-политические цели. Военные усилия СССР в ходе Корейской и Вьетнамской войн были связаны, прежде всего, с задачей сковать США на Дальнем Востоке с тем, чтобы ослабить их военно-политическое давление в Европе, создать условия для укрепления позиций Советского Союза в районах его государственных интересов

⁴³ Совет Обороны утвердил основные положения новой оборонительной доктрины в декабре 1986 г.

⁴⁴ На Политбюро 13 ноября 1986 г. // Отвечая на вызов времени. С. 605.

⁴⁵ См. обсуждение этого вопроса Хрущевым и Мао Цзэдуном на переговорах в Пекине 2 августа 1958 г. // РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 498. Л. 110.

– на Ближнем и Среднем Востоке. На Ближнем Востоке в ходе операций «Кавказ» и «Кавказ-2» цели СССР определялись задачей закрепления своего военного присутствия на постоянной основе в Египте и Сирии и создания там баз для обеспечения деятельности 5-й оперативной эскадры, что позволяло контролировать подступы к стратегически важным проливам Босфор и Гибралтар (1).

Афганистан представляет собой особый случай. Здесь мы имеем дело со спецоперацией КГБ СССР по смене режима в Кабуле, осуществляемой при поддержке Вооруженных сил. И оппозиция Огаркова вводу войск в Афганистан была связана, прежде всего, с нежеланием ослаблять группировки на главных, с его точки зрения, театрах – на Западе и на Востоке (12;5)⁴⁶. По такой же модели готовился и «ввод» войск в Польшу: планировалось отмотилизовать всего одну общевойсковую армию для поддержки Войска Польского при введении чрезвычайного положения⁴⁷.

Мероприятия стратегического сдерживания

В период холодной войны СССР стремился избежать большой войны с атомными державами, вместо этого делая упор на мероприятия стратегического сдерживания. И это советскому руководству удалось как минимум трижды. Первое из таких мероприятий, имевшее геополитические последствия, было осуществлено в 1956 г. в рамках так называемого «подавления контрреволюционного мятежа» в Венгрии⁴⁸. Реальными военно-политическими возможностями для вмешательства в венгерские события США и НАТО не располагали. Шок от произошедших событий был настолько силен, что для всех администраций в Вашингтоне тезис о том, что западное вмешательство в советскую сферу интересов в Восточной Европе может только спровоцировать новую «Венгрию» стал аксиомой. Максимальная цель, которую ставили перед собой в Вашингтоне в отношении Восточной Европы вплоть до 1989 г.ода – ее «финляндизация».

Второе крупное мероприятие стратегического сдерживания было связано с событиями в Чехословакии. В 1968 году «военная тревога» начала года, связанная с обострением военно-политической обстановки во Вьетнаме и Корее, в августе-сентябре завершилась операцией «Дунай», в которой было задействовано до полумиллиона войск Организации Варшавского Договора. Вернувшись с заседания Политбюро на котором было принято решение о вводе войск в Чехословакию, министр обороны А.А. Гречко объявил руководящему составу Министерства обороны: «это решение будет осуществлено, даже если оно приведет к третьей мировой войне» (14, с. 218,223). Ввод в Чехословакию группировки войск Варшавского договора (всего более 250 ты-

46 Подробнее см. Ляховский А. Трагедия и доблесть Африки. М. 2004. С. 201-203, 207, 224, 234-258. О том, что ввод войск рассматривался как сопутствующее мероприятие устранению Амина силами спецподразделений КГБ и ГРУ вспоминал и Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., 2000. С. 307.

47 Сулов, Громыко, Андропов, Устинов, Черненко в ЦК КПСС, 28 августа 1980 г. // URL: <https://sites.fas.harvard.edu/~hpcws/august28.htm>.

48 Об опыте боевых действий советских войск в Венгрии – см. записку Г.К. Жукова в ЦК КПСС, 12 ноября 1950 г. // Советская армия: годы реформ и испытаний. М., 2018 . С. 64-68.

сяч человек) оказался тактически неожиданным для разведок НАТО. В Прагу части из состава ГСВГ вошли через 5 часов после пересечения границы. Операция «Дунай» представляла собой успешную репетицию стратегической наступательной операции на Западном театре войны (1, с. 285–286). Европейским лидерам, прежде всего германскому канцлеру В. Брандту, стало ясно, что американские гарантии безопасности носят во многом формальный характер (44)⁴⁹.

Следующее крупное мероприятие стратегического сдерживания, имевшее геополитические последствия, было осуществлено в период активной фазы китайско-вьетнамской войны (1979 год). По масштабу привлекаемых сил и средств оперативно-стратегическое учение «Восток-79» были сопоставимы с операцией «Дунай» (18). Проведенные в этот период СССР масштабные мероприятия стратегического сдерживания убедили китайское руководство в бесперспективности военного противостояния с СССР.

Подводя итог, следует говорить об эволюции русской военной стратегии в XX столетии: от ставки на победу в мировой войне в первой половине века к упору на действия экспедиционных группировок в локальных конфликтах как особой форме стратегических действий во второй. Они проводились союзными СССР войсками при участии экспедиционных группировок вооруженных сил СССР с целью сковать силы главного противника и создать условия для решительного удара на главном ТВД, который мог принять форму, как реальных боевых действий, так и мероприятий стратегического сдерживания (демонстрация боевых возможностей). Последние стали основной формой применения вооруженных сил на Западе и Востоке.

Политико-военная стратегия и ресурсный потенциал

Для описания русского опыта в мировых делах в XX веке не подходит концепция, ставящая циклы взлёта и падения великих держав в прямую зависимость от динамики их промышленного и финансового потенциала. Начиная с эпохи Московского царства, Россия решала задачи доминирования в своём ближайшем геополитическом окружении и стратегического соперничества с другими великими державами на Западе и на Востоке, не опираясь на превосходство своего военно-экономического потенциала. Соотношение сил не в пользу России сохранялось и на протяжении всего XX в. Участие России в мировых делах в XX в. опиралось на экономическую базу, которая составляла всего 9–12% мирового ВВП. При этом соотношение военно-экономических потенциалов в период холодной войны – когда Россия и ОВД вели стратегическое соперничество с США, Западной Европой и Японией одновременно, было существенно хуже, чем в первую половину века – когда она выступала в альянсе с США и Великобританией.

49 Trachtenberg M. The Structure of Great Power Politics, 1963-1975 // Cambridge History of the Cold War. Cambridge. 2010. Vol. 2. Взаимосвязь между Чехословацкими событиями «остполитии» и разрядкой хорошо понимал А.А. Громыко, о чем он любил напоминать коллегам по Политбюро.

Удельный вес расходов на оборону в экономике страны после пика во время войны 1941–1945 годов с конца 1950-х годов носил достаточно стабильный характер и колебался в пределах 7–8% от ВВП (15, с. 105). Для сравнения, после аналогичного пика в период Второй мировой и Корейской войн удельный вес военных расходов в ВВП США составлял в 1960-1970-е годы около 8% и затем снизился до 5-6% в 1980-е годы (35, с.393-394). В дополнение к расходам на военные нужды необходимо учитывать и средства, выделенные на военную и экономическую помощь союзникам. 23 октября 1985 года на Политическом консультативном комитете Организации Варшавского договора в Софии Горбачев озвучил цифру более 11 млрд рублей помощи союзникам в третьем мире. Для сравнения с расходами на оборону (63,4 млрд) средства, выделенные на обеспечение национальной безопасности – около 75 млрд рублей, составили в 1985 году менее 10% ВВП (777 млрд рублей) (15, с.108). Средства, безусловно, немалые, но Политбюро больше тревожили неэффективность сельского хозяйства и связанная с этим необходимость закупок зерна за рубежом, чем военные расходы и помощь союзникам. Не военные расходы и, даже, не обвал нефтяных цен, а ошибки в финансово-экономической политике, стали причиной сначала коллапса финансовой системы, а затем и глубокого экономического кризиса, охватившего СССР в конце 1980-х годов (39, с.177-183).

Выводы

Как великая держава с ограниченными военно-экономическими ресурсами смогла на протяжении XX в. вести стратегическое соперничество одновременно с несколькими, как правило, экономически более мощными противниками? Решить эту задачу России удалось благодаря наличию политико-военной стратегии, которая носила, в целом, продуманный характер. Ясные геополитические цели – создание инфраструктурной империи по типу Британской объединяло всех лидеров России от Николая Романова до Михаила Горбачёва. Система координат, сформулированная Куропаткиным, определила геополитические цели России и СССР в первой половине XX в. (до смерти Сталина), а в последующий период (до окончания холодной войны) – военные цели Советского Союза на случай третьей мировой войны. При этом борьба за свободу морских коммуникаций трансформировалась от задачи прямого контроля над проливами к стремлению их «перепрыгнуть», закрепившись в стратегических пунктах вдоль морского пути из Европы на Дальний Восток. Учитывая абсолютное превосходство США в ядерной сфере в 1950-е годы – этот путь представляется вполне целесообразным. К концу брежневского периода основные скрепы Pax Sovietica были созданы.

Стремление избежать перенапряжения сил играло со второй половины века все большую роль для Политбюро. Не случайно, сразу после смерти Сталина советское руководство сделало первую попытку избавиться от военно-политических обременений, связанных с существованием сферы особых интересов СССР в Восточной

Европе. Цель Горбачева – вести дела с Восточной Европой как с Китаем выглядит, на первый взгляд, обоснованной. Однако, ее неумелая реализация, недооценка значения буферной зоны безопасности по периметру границ, превратили отступление в бегство, и серьезно повлияла на дезорганизацию системы госуправления в СССР и деморализацию ее руководства в момент острого внутреннего кризиса в стране.

Возвышение Азии меняло геополитический контекст строительства советской инфраструктурной империи. Вместо слабых соседей появились динамичные центры силы. Стремление использовать общность интересов с Китаем в Корее и во Вьетнаме для сковывания США в Азии представляло собой важный элемент советской стратегии. Модель «спина к спине» позволяла использовать динамику формирующейся в мире многополярности в качестве мультипликатора военно-политического потенциала СССР.

Эволюция русской военной стратегии – от ставки на большую войну в первой половине века до акцента на локальные войны во второй – в конечном итоге привела к появлению достаточно стройной модели военно-политических действий, предполагавшей применение абсолютно превосходящих сил и средств в рамках скоротечных военных операций (или мероприятий стратегического сдерживания) в ближайшем геополитическом окружении СССР, а за его пределами – действия по модели Корейской войны экспедиционными группировками, основу которых составляли ВВС и ПВО. Создание экспедиционных группировок на удаленных театрах военных действий шло, как правило, в увязке с разворачиванием на главных морских коммуникациях оперативных эскадр ВМФ, создавая, таким образом, каркас советской инфраструктурной империи.

«Русский проект глобализации» состоялся на рубеже 1970–1980-х и его последующий кризис и распад СССР был связан, прежде всего, с конкретными ошибками горбачевского Политбюро, прежде всего во внутренней и экономической политике, которые привели к образованию альтернативного политического центра в Москве во главе с Б. Ельциным. Тем не менее, идея континентальной инфраструктурной империи по-прежнему жива. «Один пояс, один путь» — это заявка Председателя КНР Си Цзиньпина на строительство китайской инфраструктурной империи (30)⁵⁰. О востребованности данного подхода свидетельствует и политико-военная стратегия современной Турции (31).

Разработчики основных проектов в области долгосрочного внешнеполитического планирования рассматривали «прошлое – как трамплин» для конструирования образа будущего. Исторические задачи Куропаткина базировались на анализе предшествующих двухсот лет русской истории. И сталинские дипломаты описывали основы будущего мира в таком же историческом контексте. В свою очередь министр иностранных дел Громыко в своих расчетах отталкивался от исторических наработок НКВД периода войны. Таким образом, в отечественной традиции временной

⁵⁰ Это хорошо понимают в США. См. Brands H. and Sullivan J. China has two paths to global domination // *Foreign Policy*, May 22. 2020.

интервал в 150–200 лет составляет оперативную память государственного управления. Исторический опыт России и СССР как мировой державы в XX веке может стать основой для разработки модели политико-военной стратегии современной России в период долгосрочного стратегического соперничества между великими державами.

Список источников

1. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах (2009), [Military Art in Local Wars and Armed Conflicts]. Москва.
2. Гончаров С. (1992), Диалог Сталина с Мао Цзэдуном [Stalin's Dialogue with Mao Zedong] // Проблемы Дальнего Востока. № 1-2-3.
3. Горьков Ю.А. (1995), Кремль. Ставка. Генштаб [Kremlin. General Headquarters. General Staff]. Москва.
4. Гриневский О. (2002), Сценарий для третьей мировой войны [Scenario for the Third World War]. Москва.
5. Гриневский О. (2000), Тайны советской дипломатии [Secrets of Soviet Diplomacy]. Москва.
6. Капица М.С. (1996), На разных параллелях [On Different Parallels]. Москва.
7. Кокошин А.А. (1995), Армия и политика [Army and Politics]. Москва.
8. Коренные интересы России глазами ее гос. деятелей, дипломатов, военных и публицистов (2004), [The fundamental interests of Russia through the eyes of its statesmen, diplomats, military and publicists]. Москва.
9. Леонов Н. (2003), Лихолетье [Likholetye]. Москва.
10. Ливен Д. (2017), Война, революция и империя [War, revolution and empire] // Русский сборник. Т. XXII. Москва.
11. Ливен Д. (2017), Навстречу огню [Towards the fire]. Москва.
12. Ляховский А. (2004), Трагедия и доблесть Африки [The tragedy and valor of Africa]. Москва.
13. М. Горбачев и германский вопрос (2006), [M. Gorbachev and the German question]. Москва.
14. Майоров А. (1998), Вторжение. Чехословакия 1968 [Invasion. Czechoslovakia 1968]. Москва.
15. Маслоков О.Д., Глубоков Е.С. (1999), Планирование и финансирование военной промышленности в СССР [Planning and financing of the military industry in the USSR] // Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. Москва.
16. Матюшин Н. (2011), 17-я оперативная эскадра кораблей Тихоокеанского флота [17th operational squadron of ships of the Pacific Fleet]. Москва.
17. Михалев С.Н. (2003), Военная стратегия [Military Strategy]. Москва.
18. Мосяков Д.В. (2014), Роль СССР в отражении агрессии Китая против Вьетнама в 1979 г. [The role of the USSR in repelling China's aggression against Vietnam in 1979] // Юго-Восточная Азия. 2014. № 22. С. 128-135.
19. Наринский М. (1998), Европа: проблема границ и сфер влияния (1939-1947 гг.) [Europe: the problem of borders and spheres of influence (1939-1947)] // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 82-93.
20. Отвечая на вызов времени (2010), [Responding to the challenge of time]. Москва.
21. Очерки истории Министерства иностранных дел России (2002), 1802-2002 [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 1802-2002]. В 3 т. Москва.
22. Свечин А. (1937), Стратегия XX века на первом этапе [Strategy of the XXth century at the first stage]. Москва.
23. Свечин А.А. (1999), Постигание военного искусства [Comprehension of military art]. Москва.
24. Скороспелов П.П. (2022), «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953-1964) ["A special way of implementing foreign policy by threatening the imperialists." Military-political activity of the Presidium of the Central Committee under N.S. Khrushchev (1953-1964)] // Восток. № 2. С. 9-28; № 3. С. 3-30.
25. Сценарий для третьей мировой войны (2002), [Scenario for the Third World War]. М.
26. Фишер Л. (2009), Демарш Чарыкова и проблема черноморских проливов [Charykov's demarche and the problem of the Black Sea straits] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена.
27. Шеварднадзе Э. (2009), Когда рухнул железный занавес [When the Iron Curtain collapsed]. Москва.
28. Alvandi R. (2014), The Shah's détente with Khrushchev: Iran's 1962 missile base pledge to the Soviet Union // Cold War History, № 3. P. 423-444.
29. Barras G. (2009), The Great Cold War. Stanford.

30. Brands H. and Sullivan J. (2020), China has two paths to global domination // *Foreign Policy*, May 22.
31. Cagaptay S. (2019), *Erdogan's Empire*. N.Y.
32. Chen L. (2017), Operational Idealism: Doctrine Development of the PLA under Soviet Threat // *Journal of Strategic Studies*. № 5. P. 663-695.
33. Clark C. (2013), *The Sleepwalkers*. L.
34. Crist D. (2012), *The Twilight War*. N.Y.
35. Gaddis J. (2005), *Strategies of Containment*. Oxford.
36. Gleijeses P. (2013), *Visions of Freedom*. Chapel Hill.
37. Heuser B. (1999), Warsaw Pact Military Doctrines in the 1970-s and 1980-s.: Findings in the East German Archives // *Comparative Strategies*. Vol. 12. P. 437-457
38. Menning B. (2010), War Planning and Initial Operations in the Russian Context // *War Planning 1914*. Cambridge. 2010. P. 80-142.
39. Miller C. (2016), *The Struggle to Save the Soviet Economy*. Chapel Hill.
40. Nunan T. (2014), Doomed to Good Relations // *Journal of Cold War Studies*. 2022. N. 1. P. 39-77.
41. Palmer D. (2014), the NATO — Warsaw Pact competition in the 1970-s and 1980-s // *Cold War History*. № 4. P. 533-573.
42. Radchenko S. (2014), *Unwanted Visionaries*. Oxford.
43. Schroeder P. (1994), *The Transformation of European Politics*. Oxford.
44. Trachtenberg M. (2010), *The Structure of Great Power Politics, 1963-1975* // *Cambridge History of Cold War*. Vol. II. Cambridge.
45. Zelikow Ph., Rice C. (2019), *To Build a Better World*. N.Y.
46. Zubok V. (2021), *Collapse. The Fall of the Soviet Union*. Yale University Press.

Информация об авторе

СКОРОСПЕЛОВ Пётр Петрович. Директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Адрес: 125009, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Дмитровка, 15. Pps67@rambler.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6 апреля 2022. Одобрена после рецензирования: 11 апреля 2022. Принята к публикации: 25 апреля 2022. Опубликована: 11.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Military art in Local Wars and Armed Conflicts (2009), M. (In Russian)
2. Goncharov, S. (1992), Stalin's Dialogue with Mao Zedong // *Problems of the Far East*. No. 1-2-3. 1992. (In Russian)
3. Gorkov, Yu.A. (1995), *Kremlin. General Headquarters. General Staff*. M. (In Russian)
4. Grinevsky, O. (2002), *Scenario for the Third World War*. M. (In Russian)
5. Grinevsky, O. (2000), *Secrets of Soviet Diplomacy*. M. (In Russian)
6. Kapitsa, M.S. (1996), *On Different Parallels*. M. (In Russian)

7. Kokoshin, A.A. (1995), *Army and Politics*. M. (In Russian)
8. *The Fundamental Interests of Russia Through the Eyes of its Statesmen, Diplomats, Military and Publicists* (2004), M. (In Russian)
9. Leonov, N. (2003), *Likholetye*. M. (In Russian)
10. Lieven, D. (2017), *War, Revolution and Empire*. // Russian collection. Vol. XXII. M. (In Russian)
11. Lieven, D. (2017), *Towards the Fire*. M. (In Russian)
12. Lyakhovsky, A. (2004), *The Tragedy and Valor of Africa*. M. (In Russian)
13. *M. Gorbachev and the German Question* (2006), M. (In Russian)
14. Majorov, A. (1998), *Invasion. Czechoslovakia 1968*. M. (In Russian)
15. Moslyukov, O.D., Glubokov, E.S. (1999), *Planning and Financing of the Military Industry in the USSR // Soviet military power from Stalin to Gorbachev*. M. (In Russian)
16. Matyushin, N. (2011), *17th Operational Squadron of Ships of the Pacific Fleet*. M. (In Russian)
17. Mikhalev, S.N. (2003), *Military Strategy*. M. (In Russian)
18. Moslyukov, O.D. *The Role of the USSR in Repelling China's Aggression against Vietnam in 1979 // South-East Asia*. 2014. No. 22. pp. 128-135. (In Russian)
19. Narinsky, M. *Europe: the Problem of Borders and Spheres of Influence (1939-1947)*. // *Free Thought*. 1998. No. 3. pp. 82-93. (In Russian)
20. *Responding to the Challenge of Time* (2010), M. (In Russian)
21. *Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia* (2002). 1802-2002. In 3 vols. M. (In Russian)
22. Svechin, A. (1937), *Strategy of the Twentieth Century at the First Stage*. Moscow. (In Russian)
23. Svechin, A.A. (1999), *Comprehension of Military Art*. M. (In Russian)
24. Skorospelov, P.P. "A Special Way of Implementing Foreign Policy by Threatening the Imperialists." *Military-political activity of the Presidium of the Central Committee under N.S. Khrushchev (1953-1964) // Vostok*. 2022. No. 2. pp. 9-28; No. 3. pp. 3-30. (In Russian)
25. *Scenario for the Third World War* (2002), M. (In Russian)
26. Fischer, L. *Charykov's Demarche and the Problem of the Black Sea Straits // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen*. 2009). (In Russian)
27. Shevardnadze, E. (2009), *When the Iron Curtain Collapsed*. M. (In Russian)
28. Alvandi, R. *The Shah's Détente with Khrushchev: Iran's 1962 Missile Base Pledge to the Soviet Union // Cold War History*, 2014. № 3. P. 423-444.
29. Barras, G. (2009), *The Great Cold War*. Stanford.
30. Brands, H. and Sullivan, J. (2020), *China has Two Paths to Global Domination // Foreign Policy*, May 22.
31. Cagaptay, S. (2019), *Erdogan's Empire*. N.Y.
32. Chen, L. *Operational Idealism: Doctrine Development of the PLA under Soviet Threat // Journal of Strategic Studies*. 2017. № 5. P. 663-695.
33. Clark, C. (2013), *The Sleepwalkers*. L.
34. Crist, D. (2012), *The Twilight War*. N.Y.
35. Gaddis, J. (2005), *Strategies of Containment*. Oxford.
36. Gleijeses, P. (2013), *Visions of Freedom*. Chapel Hill.
37. Heuser, B. (1999), *Warsaw Pact Military Doctrines in the 1970-s and 1980-s.: Findings in the East German Archives // Comparative Strategies*. Vol. 12. P. 437-457
38. Menning, B. (2010), *War Planning and Initial Operations in the Russian Context // War Planning 1914*. Cambridge. P. 80-142.
39. Miller, C. (2016), *The Struggle to Save the Soviet Economy*. Chapel Hill.
40. Nunan, T. (2022), *Doomed to Good Relations // Journal of Cold War Studies*. N. 1. P. 39-77.
41. Palmer, D. (2014), *the NATO — Warsaw Pact Competition in the 1970-s and 1980-s // Cold War History*. № 4. P. 533-573.
42. Radchenko, S. (2014), *Unwanted Visionaries*. Oxford.
43. Schroeder, P. (1994), *The Transformation of European Politics*. Oxford.
44. Trachtenberg, M. (2010), *The Structure of Great Power Politics, 1963-1975 // Cambridge History of Cold War*. Vol. II. Cambridge.
45. Zelikow, Ph., Rice C. (2019), *To Build a Better World*. N.Y.
46. Zubok, V. (2021), *Collapse. The Fall of the Soviet Union*.

About the author

Pyotr P. SKOROSPELOV. Director of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Address: 15 Bolshaya Dmitrovka str., Moscow, 125009, Russian Federation. Pps67@rambler.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Submitted: April 6, 2022. Approved after peer reviewing: April 11, 2022. Accepted for publication: April 25, 2022. Published: August 11, 2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.